

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.91/95

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-310-319

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ДЕЛАХ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна*

✉ valeria.goncharova.93@bk.ru

Пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия

***Аннотация.** Мировые соглашения в гражданском и арбитражном процессе являются одним из наиболее удобных и эффективных способов разрешения споров, возникающих между участниками гражданских правоотношений. В то же время в рамках некоторых гражданско-правовых споров содержание мировых соглашений имеет значительную специфику, а иногда – в силу особенностей субъектного состава и существа дела – они вовсе не могут быть применены в целях примирения сторон. Примером таких споров являются дела, связанные с признанием сделки недействительной и применением последствий недействительности сделки, правовое регулирование которых отличается своеобразием. Экономические причины недействительности сделок предопределяют особенности содержания мировых соглашений по соответствующей категории дел, ограничивая его исключительно порядком исполнения реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков. Данное обстоятельство обусловлено тем, что с точки зрения динамики гражданских правоотношений недействительная сделка вносит неопределенность в принадлежность имущества и распределение прав и обязанностей участников правоотношений, устранить которую возможно исключительно за счет восстановления положения, существовавшего до совершения и исполнения сделки с дефектом. Действующее гражданско-правовое регулирование в этой части (ст. 4311 ГК РФ), допускающее заключение аналогов мировых соглашений в делах о недействительности сделок, предусматривающих иные, помимо реституции, последствия недействительности сделок, в связи с этим не может быть признано удовлетворительным. Оспаривание же сделки «иным лицом, указанным в законе» (ст. 166 ГК РФ), а также в интересах третьих лиц специально уполномоченными на то субъектами (процессуальными истцами), возможность участия в совершенной и исполненной сделке публично-правовых образований обуславливают постановку вопросов о возможности заключения мировых соглашений указанными субъектами. Отмечается, что данные субъекты, как следует из анализа отечественного гражданского, гражданско-процессуального, административного и семейного законодательства, будучи заинтересованными в разрешении дела о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности, не принимают участия в ее совершении, а следовательно, не могут определять порядок исполнения возникших из нее обязательств.*

***Ключевые слова:** недействительность сделок, применение последствий недействительности сделок, реституция, мировое соглашение, примирение, свобода договора.*

* Ассистент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры информационного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

The Features of the Content and Subject Composition of Settlement Agreements in Cases of Invalidity of Transactions

Goncharova Valeriya A.**

✉ valeria.goncharova.93@bk.ru

36 Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

Abstract. Settlement agreements in civil and arbitration proceedings are one of the most convenient and effective ways to resolve disputes arising between participants in civil legal relations. At the same time, within the framework of some civil disputes, the content of settlement agreements has significant specificity, and sometimes – due to the peculiarities of the subject composition and the merits of the case – they cannot be applied at all for the purpose of reconciling the parties. An example of such disputes are cases related to the recognition of the transaction as invalid and the application of the consequences of the invalidity of the transaction, the legal regulation of which is unique. The economic reasons for the invalidity of transactions predetermine the peculiarities of the content of settlement agreements in the relevant category of cases, limiting it exclusively to the procedure for fulfilling restorative obligations and obligations to compensate for losses. This circumstance is due to the fact that, from the point of view of the dynamics of civil legal relations, an invalid transaction introduces uncertainty in the ownership of property and the distribution of rights and obligations of the participants in legal relations, which can be eliminated only by restoring the situation that existed before the conclusion and execution of the transaction with a defect. The current civil law regulation in this part (Article 4311 of the Civil Code of the Russian Federation), which allows the conclusion of analogues of amicable agreements in cases of invalidity of transactions involving other, in addition to restitution, the consequences of the invalidity of transactions, in this regard, cannot be recognized as satisfactory. Contestation of the transaction by “another person specified in the law” (Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation), as well as in the interests of third parties by specially authorized entities (procedural plaintiffs), the possibility of participation in a completed and executed transaction of public law entities determine the raising of questions about the possibility of concluding amicable agreements by these entities. It is noted that these subjects, as follows from the analysis of domestic civil, civil procedural, administrative and family legislation, being interested in resolving the case on recognizing the transaction as invalid and on the application of the consequences of its invalidity, do not participate in its execution, and therefore cannot determine the procedure for the fulfillment of obligations arising from it.

Keywords: invalidity of transactions, application of the consequences of invalidity of transactions, restitution, settlement agreement, reconciliation, freedom of contract.

Согласно ст. 139 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), ст. 153⁸ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного и гражданского процесса и при исполнении судебного акта. Мировое соглашение в отечественной литературе рассматривается как комплекс материально-правовых и процессуальных элементов [2, 8] и понимается в трех аспектах: как один из способов примирения сторон, влекущий прекращение спора между ними; как действие сторон, т. е. договор-сделка, который

в силу ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) признается основанием возникновения гражданских прав и обязанностей; как договор-документ, оформляющий результат соглашения сторон [6]. Как отмечается в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, «решение спора самими сторонами миром позволяет не только снизить нагрузку на судей, но и сохранить партнерские отношения между сторонами на будущее, минимизировать вероятность возникновения дальнейших противоречий между ними и в целом снижает конфликтность в обществе»¹.

** Assistant of the Department of Civil Law at the National Research Tomsk State University, Assistant of the Department of Information Law at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : одобрена решением Комитета по гражд., уголов., арбитраж. и процес. законодательству ГД СФ РФ от 8 дек. 2014 г. № 124 (1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Институт мировых соглашений как наиболее эффективных и удобных для участников гражданско-правовых споров способов разрешения юридических конфликтов в настоящее время подвергся значительному законодательному реформированию. Ранее развитые и активно применяемые исключительно в рамках арбитражного судопроизводства, сегодня мировые соглашения получили надлежащую правовую регламентацию и в рамках гражданского процессуального законодательства. Данное обстоятельство свидетельствует о положительном отношении законодателя к применению данной процедуры.

По смыслу действующего гражданского и арбитражного процессуального законодательства конструкция мирового соглашения может использоваться сторонами как способ разрешения любых разногласий на этапе их судебного рассмотрения и исполнительного производства. В то же время в рамках некоторых гражданско-правовых споров, связанных с нарушением прав и законных интересов участников правоотношений, применение мировых соглашений имеет определенную специфику в части своего содержания, назначения и субъектного состава.

Так, некоторые материально-правовые особенности, сказывающиеся на процедуре заключения мировых соглашений, имеют споры о признании сделок недействительными и о применении последствий их недействительности, где такие соглашения могут способствовать достижению сторонами взаимоприемлемых договоренностей по поводу последствий недействительности сделок – исполнения реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков. Возможность регламентации исполнения указанных обязательств следует из диспозитивных положений процессуального законодательства и вряд ли может быть подвергнута сомнению.

В то же время гражданское законодательство допускает заключение сторонами оспоримых договоров, исполнение которых связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, некоторых соглашений об «иных последствиях» их недействительности (п. 3 ст. 431¹ ГК РФ), которые иногда рассматриваются в литературе как прообразы мировых соглашений в материальных правовых нормах о недей-

ствительности сделок. Так, по мнению А. Г. Карапетова, «в комментируемой норме речь идет о соглашении, которое стороны заключают уже после того, как суд присудил реституцию. С учетом этого, такое соглашение должно оформляться и утверждаться в установленном порядке судом. В частности, в таком мировом соглашении стороны могут установить очередность возврата имущества при двусторонней реституции, договориться вовсе не осуществлять двустороннюю реституцию и оставить все “как есть”... и т. п.»². С данным мнением можно согласиться лишь отчасти, исходя из некоторой общности мирового и рассматриваемого соглашений как способов разрешения споров о последствиях недействительности договоров. Однако соглашение, предусмотренное п. 3 ст. 431¹ ГК РФ, имеет множество недостатков, не учитывающих особенности ситуации недействительности и не позволяющих отождествлять его с положительно зарекомендовавшей себя на практике конструкцией мирового соглашения.

Во-первых, очевидно, что по смыслу п. 3 ст. 431¹ ГК РФ момент заключения соглашений, речь о которых идет в данной норме, хронологически оторван от момента признания договора недействительным, что вряд ли можно признать допустимым. Реституционное требование функционально связано с требованием о признании сделки недействительной, поскольку, разрешая правовой конфликт и устанавливая наличие оснований для признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, суд фактически создает предпосылки для разрешения вопроса о распределении имущества, переданного по такой сделке. Эта позиция нашла поддержку в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, где отмечалось, что основной целью признания сделки недействительной как способа судебной защиты гражданских прав является недопущение исполнения недействительной сделки, а если на момент предъявления иска сделка уже исполнена – применение последствий недействительности сделки. Формулировка п. 2 ст. 167 ГК РФ в части установления последствий недействительности императивна по своему характеру и не предполагает наличия у сторон свободы усмотрения при предъявлении

² *Договорное и обязательственное право (Общая часть)* : постатейный коммент. к статьям 307–453 ГК РФ / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017.

требований о применении последствий недействительности³.

Во-вторых, приведенные А. Г. Карапетовым возможные изменения сторонами соглашения вынесенного судом решения неминуемо вступят в противоречие с принципом обязательности судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ), а также с экономическими причинами правовой регламентации норм о недействительности сделок.

Речь идет о причинах, обуславливающих правовое регулирование и следующих из отношений экономического базиса, исследование которых дает возможность определить социальное назначение норм о недействительности. Анализ указанных причин становится возможным благодаря обращению к развитому в странах англосаксонской правовой системы теоретическому учению – экономическому анализу права [9].

Экономический анализ права не представляет собой единого научного направления. Входящие в него учения (школы) не противопоставлены друг другу, напротив, они предполагают возможность разностороннего рассмотрения правовых явлений. В системе экономико-правовых школ следует выделить чикагскую школу экономики права, австрийское экономико-правовое направление и институционализм [10]. Именно указанные подходы представляют наибольший научный интерес.

С точки зрения представителей чикагской школы, любой акт товарообмена представляет собой средство удержания людей от оппортунистического (иначе – эгоистического) поведения по отношению к своим партнерам. Такие акты должны подлежать защите и признанию со стороны государства только в том случае, если способствуют повышению общественной эффективности, т. е. имеют в качестве сторон рационально действующих (преследующих цель максимизации прибыли) и достаточно проинформированных, равноправных субъектов, а также не наносят вреда благосостоянию третьих лиц [12, 13]. Сделки, не соответствующие указанным критериям, не могут производить правового эффекта.

Вторым значимым ответвлением экономического анализа права является австрийская экономическая школа [14, 16, 17]. Ее представители в качестве фундаментальных положений экономического анализа права выделяли «аксиому о человеческой деятельности» [7, с. 23]. С пози-

ции рассматриваемого учения, рынок построен на принципах естественно-правовой концепции правопонимания, согласно которым каждому индивиду принадлежит право собственности на себя самого и имеющиеся у него ресурсы. Положения естественно-правовой доктрины, неизменность наличия у лица абсолютного права на собственное поведение и законно принадлежащее ему имущество не предполагают возможности надления правоустановительным эффектом актов поведения, где отсутствует воля на правораспоряжение.

Из сходных теоретических предпосылок исходит и институционализм [11, 15]. Как направление развития экономического анализа права он предполагает, что предметом изучения становится не «экономический человек», а широкая гамма интересов, поведение человека в социальных отношениях. На базе институционализма была выработана экономическая система оценки контрактов. Под последними сторонниками институционального подхода понимается то, что отражает реализацию права собственника на передачу имущества, это соглашения об обмене правомочиями и их защите, являющиеся результатом осознанного и свободного выбора индивидов в определенных социальных рамках.

Таким образом, с позиции чикагской и австрийской школ институционализма, экономические причины недействительности сделок состоят в недопущении существования таких актов товарообмена, совершением и (или) исполнением которых нарушаются требования добровольности вступления в договорные отношения, рациональности, проинформированности их участников и которые причиняют вред благосостоянию других лиц.

В связи с изложенным и с позиции ст.ст. 166, 167 ГК РФ реституция представляется обязательным последствием недействительности сделок. Наделение сторон недействительной сделки возможностью «изобретать» свои последствия ее недействительности может привести к фактическому сохранению за такой сделкой качества действительности и способности порождать ею конкретные права и обязанности.

Анализ п. 3 ст. 431¹ ГК РФ свидетельствует о том, что данная норма не встраивается в действующее законодательство и в условиях наличия норм о мировых соглашениях лишь вносит

³ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 54.

неопределенность в порядок защиты сторонами недействительных сделок своих прав и законных интересов. Из системного толкования процессуальных норм следует, что правом на заключение мировых соглашений и определение порядка исполнения реституции и возмещения убытков обладают любые стороны сделок с дефектами. В то же время в условиях сохраняющегося действия п. 3 ст. 431¹ ГК РФ оказывается, что лишь субъекты оспоримых договоров, исполнение которых связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, наделены правом на дополнение своих мировых соглашений иными способами защиты, что подтверждается положениями ст. 307¹ ГК РФ, но не способствует защите прав сторон недействительных сделок – предпринимателей. Речь идет о праве таких сторон предусматривать меры ответственности (гл. 25 ГК РФ), меры защиты (гл. 23 ГК РФ) на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения основных обязательств по мировому соглашению, а также – в отношении реституционного обязательства – конкретизировать исполнение способов защиты, предусмотренных гл. 60 ГК РФ.

Изложенное в полной мере согласуется с преобладающим в литературе и судебной практике подходом к возможному содержанию мирового соглашения, согласно которому оно может включать только те условия, которые непосредственно определяют порядок урегулирования судебного спора между сторонами; мировое соглашение не может содержать условия, не связанные с урегулированием спора [6]. Как отмечается в п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», в силу принципа свободы договора мировое соглашение может содержать любые не противоречащие закону или иным правовым актам условия⁴. Стороны при заключении мирового соглашения могут самостоятельно распоряжаться принадлежащими им материальными правами, они свободны в согласовании любых условий мирового соглашения, не противоречащих федеральному закону и не нарушающих права и законные интересы других лиц, в том числе при включении в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства.

С учетом указанного подхода к ограничению содержания мирового соглашения в деле о недействительности сделок важно также обратить внимание на его особую направленность, проявляющуюся исключительно в рамках указанной категории дел. Как отмечают И. Н. Мосечкин и А. В. Махнева, недобросовестные действия участников гражданского оборота, утрата потребительской стоимости имущества, иные обстоятельства иногда создают ситуацию, при которой становится возможной лишь одна из двух обратных передач имущества, вторая же по тем или иным причинам затруднена, что ведет в итоге к дисбалансу прав сторон недействительной сделки [4, с. 25].

Следует заметить, что проблема обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств в настоящее время приобретает все большую актуальность не только в сфере применения последствий недействительности сделок. По информации, содержащейся в Итоговом докладе о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов за 2018 г., «судебные акты частного правового характера являются наиболее трудноисполнимыми с точки зрения фактического взыскания денежных средств»⁵. Отмечается также, что в 2018 г. в Федеральную службу судебных приставов России поступило для принудительного исполнения 60,3 млн исполнительных документов (на 102,5 тыс. больше, чем в 2017 г.), что демонстрирует общую тенденцию роста количества поступающих исполнительных документов. При этом в условиях указанного роста доля исполнительных производств, где должники приступили к выполнению своих обязательств, составила всего 45,4 % от общего их количества⁶. Изложенное свидетельствует о высокой значимости мировых соглашений как альтернатив принудительному исполнению. Включая взаимоприемлемые для сторон спора договоренности о порядке, механизме исполнения и обеспечения реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков, мировое соглашение изначально рассчитано на добровольное исполнение, с большей вероятностью будет способствовать полному восстановлению прав участников правоотношений.

Подобное разрешение вопроса о содержании мирового соглашения возможно только в случае,

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Итоговый доклад о деятельности ФССП России в 2018 году*. URL: <http://fssprus.ru/2598521/>

⁶ Там же.

когда сделка оспаривается одной из ее сторон, при этом вторая сторона сделки является ответчиком по иску о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности. В то же время по смыслу ст. 166 ГК РФ правом на оспаривание сделки обладают не только стороны такой сделки, но и иные лица, указанные в законе. Кроме того, в интересах третьих лиц сделка может быть признана недействительной по требованию управомоченных на то процессуальным законодательством субъектов. Подобная законодательная регламентация круга субъектов права на оспаривание сделки, как представляется, обусловливается возможностью негативного влияния порожденной сделкой с дефектом правовой неопределенности не только на стороны такой сделки, но и на других – иных и третьих лиц.

Иные лица как участники недействительной сделки прямо указаны в законе, их характеризует наличие прочной связи с недействительной сделкой вследствие ее непосредственного (например, супруг, согласие которого на совершение сделки в обход законодательных правил не было получено) или опосредованного (например, конкурсный кредитор в деле о банкротстве) негативного влияния на их имущественную сферу или ее влияния на публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия (например, опекуны и попечители, наделенные правом на оспаривание сделок своих подопечных). Как следует из анализа абз. 1 п. 2 и абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ, иные лица, как и стороны недействительной сделки, представляют собой носителей материально-правового интереса в признании сделки недействительной и в применении последствий ее недействительности. Предполагается, что стороны сделки, а также иные лица заинтересованы в последствиях разрешения дела о недействительности сделки, чем и объясняется законодательное наделение их правом на ее самостоятельное оспаривание и применение последствий ее недействительности.

С процессуальной точки зрения иное лицо, указанное в законе как управомоченное на оспаривание сделки, выступает истцом, стороной гражданского процесса – таким участником судопроизводства, спор о субъективных правах и юридических обязанностях которого должен разрешить суд. С процессуальной позиции стороны представляют собой действительных

или предполагаемых субъектов спорных материальных правоотношений как носителей спорных прав (истец) и обязанностей (ответчик), обладающих противоположным юридическим интересом в деле, действующих от своего имени. Только на стороны распространяются материально-правовые последствия судебного решения по делу [5, с. 165–167].

С одной стороны, наличие у иных лиц предусмотренного законом права на признание сделки недействительной и применение последствий недействительности позволяет рассматривать их в качестве субъектов особой разновидности гражданско-правового охранительного правоотношения – правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Основанием его возникновения выступает совершение и (или) исполнение сделки с дефектом, нарушающей права и охраняемые законом интересы таких иных лиц, действующих добросовестно. Именно участие в данном правоотношении предопределяет права иных лиц, указанных в законе, на заявление приведенных требований в целях собственной защиты и приобретение ими статуса стороны в процессе.

С другой стороны, очевидно, что иные лица не принимают участия в совершении и исполнении недействительной сделки и в связи с этим их статус по отношению к сторонам сделки достаточно своеобразен. По делам о недействительности сделок иные лица, имея лишь охранительное правомочие на защиту, возникшее из определенной, отмеченной ранее связи таких лиц со спорной сделкой, предъявляют требование к обеим ее сторонам с целью устранить нарушение их права и законного интереса. Реализация их защитных притязаний обеспечивается судебным признанием сделки недействительной, а также применением последствий ее недействительности. При этом последствия недействительности, как следует из положений ст. 167 ГК РФ, касаются исключительно имущественных сфер сторон такой сделки. Так, в случае оспаривания сделки, совершенной лицом, находящимся в процедуре банкротства, обратные имущественные предоставления между ее сторонами напрямую не затронут имущественное положение оспарившего такую сделку иного лица – конкурсного кредитора или конкурсного управляющего. Однако в первом случае возврат будущему банкроту всего отданного им по сделке обеспечивает

восстановление конкурсной массы, необходимой для дальнейшего удовлетворения интересов конкурсного кредитора. В случае оспаривания сделок конкурсным управляющим возврат имущества в порядке реституции юридическому лицу, банкротством которого занимается такой управляющий, обеспечит эффективность конкурсного управления и достижение им своих предусмотренных законодательством целей [3]. Подобная логика рассуждений применима ко всем иным лицам как истцам в делах о недействительности сделок.

Иное лицо как участник недействительной сделки не претерпевает, подобно истцам в иных гражданско-правовых спорах и оспаривающим сделку сторонам, никаких имущественных последствий в результате вынесения положительного решения по его исковому заявлению. Интерес иного лица, хоть и является материально-правовым, однако не основан на прямом воздействии вынесенного судебного решения на его имущественную сферу. Данное обстоятельство позволяет допустить, что при оспаривании сделки иным лицом, указанным в законе, мировое соглашение между ним и сторонами сделки – ответчиками по иску не может быть заключено. Мировое соглашение предполагает наличие взаимных уступок в порядке разрешения спора между сторонами, однако в рассматриваемой ситуации иное лицо, указанное в законе, в силу определенной, не прямой связи со сделкой, встраивается в первоначальные отношения сторон, участником которых не являлось и имущество в рамках которых не передавало. Исходя из этого никаких прав и обязанностей на такое лицо мировым соглашением возложить просто невозможно.

Безусловно, можно допустить ситуацию заключения мирового соглашения между истцом, иным лицом, указанным в законе, с одной стороны, и ответчиками, сторонами совершенной сделки – с другой. В этом случае иное лицо будет лишь сторонним наблюдателем в мировом соглашении, присутствие которого лишено всякого смысла. Интерес такого иного лица состоит, как было отмечено, в устранении правовой неопределенности от совершения и исполнения сделки. Вынесение судебного решения о присуждении реституции уже гарантировано обеспечивает его права. В связи с принципом обязательности судебных постановлений стороны не могут своим решением изменить то,

что присудил суд. Можно допустить, что после вынесения судебного решения ответчики – стороны недействительной сделки могут в порядке добровольного исполнения обязательств заключить соглашение о порядке исполнения решения суда.

В отличие от иных лиц, круг третьих лиц не определен в законе, их связь с недействительной сделкой слабее. Они могут быть признаны участниками недействительной сделки исключительно при нарушении сделкой их прав и охраняемых законом интересов. Третьи лица не вправе самостоятельно оспаривать сделку, в целях защиты их прав и законных интересов могут действовать субъекты, которые в юридической литературе приобрели название процессуальных истцов.

Действующим гражданским процессуальным законодательством установлено право прокурора обращаться в суд с заявлением о защите прав, свобод и интересов граждан, неопределенного круга лиц. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого служит обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сферах трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования (ст. 45 ГПК РФ). В статье 46 ГПК РФ предусмотрена возможность органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

В соответствии с п. 1 ст. 53 АПК РФ в случаях, предусмотренных Федеральным законом, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы вправе обратиться

в арбитражный суд в защиту публичных интересов. В случаях, предусмотренных АПК РФ и другими федеральными законами, организации и граждане вправе обратиться в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов других лиц. Арбитражным процессуальным законодательством также допускается обращение прокурора с требованием о признании недействительными сделок и о применении последствий ничтожных сделок, совершенных органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями и проч. (ст. 52 АПК РФ). Законодательством предусмотрена возможность оспаривания сделок и другими государственными органами: Банком России (ст.ст. 11.3, 18, ч. 7 ст. 37 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁷), налоговыми органами (ч. 11 ст. 7 Закона Российской Федерации от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах в Российской Федерации»⁸), антимонопольными органами (п. «б» ч. 6 ст. 23, чч. 2, 4, 5 ст. 34 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹) и т. д.

Согласно положениям процессуального законодательства процессуальные истцы пользуются всеми процессуальными правами и несут все процессуальные обязанности, за исключением, в частности, права на заключение мирового соглашения. Данное положение закона обоснованно: не будучи участником спорных материальных правоотношений, но заявляя исковое требование, процессуальный истец выполняет лишь возложенные на него публичные полномочия по защите определенных пострадавших лиц. В связи с этим процессуальные истцы близки иным лицам, что объясняется имущественной «изолированностью» от спорной сделки обеих групп указанных субъектов.

Таким образом, мировое соглашение как способ примирения сторон гражданского процесса в части исполнения реституционных обязательств и обязательства по возмещению убытков может быть применено только при оспаривании сделки одной из ее сторон. В случае оспаривания сделки иным лицом либо процессуальным истцом, действующим в интересах третьего лица, примирительный потенциал мировых соглашений ограничен.

Анализ судебной практики по делам, связанным с недействительностью сделок, свидетельствует о том, что нередко сторонами сделки, оспариваемыми заключенные соглашения, выступают публично-правовые субъекты (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования). Вынесение судебного решения о присуждении реституции служит гарантией восстановления их нарушенной имущественной сферы, что с учетом социально-ориентированного положения таких лиц приобретает особое значение. В этих условиях возможность заключения сторонами сделки мирового соглашения о последствиях недействительности может вызвать разумные сомнения.

Положения процессуального законодательства, однако, не содержат каких-либо ограничений в части субъектного состава, имеющего права на заключение мировых соглашений. Согласно ч. 2 ст. 153⁸ ГПК РФ единственным ограничением содержания мирового соглашения является ненарушение им законных интересов других лиц и непротиворечие закону. Близкие по содержанию правила предусмотрены и арбитражным процессуальным законодательством. Указанный подход был подтвержден практикой Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 22 июля 2002 г. № 14-П КС РФ при проверке на предмет конституционности положений законодательства о банкротстве отметил, что по смыслу ст. 8 Конституции РФ граждане, коммерческие организации и публично-правовые образования должны иметь равные возможности при заключении мирового соглашения и выработке его условий, поскольку в противном случае не учитывались бы их экономические интересы и игнорировался бы конституционный принцип равноправия¹⁰.

В настоящее время вопрос о возможности участия публично-правовых образований в заключении мировых соглашений в доктрине преимущественно рассматривается в связи со спорами из публично-правовых отношений. Как отмечается Т. А. Григорьевой и Е. В. Храмовой, «ответ на вопрос о возможности заключения мировых соглашений по публично-правовым спорам, в отличие от гражданско-правовых

⁷ Рос. газ. 1996. 10 февр.

⁸ Бюл. норматив. актов. 1992. № 1.

⁹ Рос. газ. 2006. 27 июля.

¹⁰ Там же. 2002. 1 авг.

споров, где возможность заключения мировых соглашений презюмируется, не может быть дан в безапелляционной форме» [1, с. 19].

Строгие требования к содержанию мирового соглашения как способа примирения сторон недействительной сделки, а также процесс его проверки судом, рассматривающим дело, представляется, не оставляют для публично-правовых участников такого соглашения поля для злоупотреблений собственным положением и не допускают возможности фактического сохранения за сделкой качества действительности. В связи с этим с учетом изложенных ранее замечаний об обязательности реституции мировое соглашение может быть заключено

публично-правовым субъектом – стороной недействительной сделки.

В качестве итога следует отметить, что реформирование гражданского процессуального законодательства обуславливает интерес к особенностям применения норм о мировых соглашениях как способах примирения сторон различных гражданско-правовых споров и, в частности, споров о недействительности сделок. Свообразие последствий недействительности сделок, а также особенности круга субъектов права на их оспаривание определяют особое содержание заключаемых в деле о недействительности сделок мировых соглашений, а также узкий подход к их субъектному составу.

Список литературы

1. Григорьева Т. А., Храмова Е. В. Мировое соглашение по спорам, затрагивающим публично-правовые интересы: современные проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 8. С. 17–24.
2. Котлярова В. В. К вопросу о понятии и правовой природе мирового соглашения // *Российская юстиция*. 2017. № 6. С. 17–20.
3. Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : моногр. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 304 с.
4. Мосечкин И. Н., Махнев А. В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // *Российская юстиция*. 2018. № 3. С. 25–28.
5. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. 703 с.
6. Рожкова М. А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки. М. : Статут, 2005. 572 с.
7. Тимофеев Е. А. “Law and Economics”: учение о праве и государстве в США в XX веке : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 181 с.
8. Фишин А. В. О правовой природе мирового соглашения // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 6. С. 40–53.
9. Bag S. *Economic Analysis of Contract Law. Incomplete Contracts and Asymmetric Information*. Palgrave Macmillan, 2018. 215 p.
10. Hertog J. *General Theories of Regulation* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 223–270.
11. Klein P. G. *New Institutional Economics* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 456–489.
12. Kovac M. *Comparative Contract Law and Economics*. Edward Elgar Publishing, 2011. 392 p.
13. Mackaay E. *Law and Economics for Civil Law Systems*. Edward Elgar Publishing, 2013. 549 p.
14. Malenski T. *A Critique of Law & Economics – an Austrian School Perspective* // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2012. № 31 (44). P. 207–218.
15. Medema S. G., Mercurio N., Samuels W. J. *Institutional Law and Economics* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 418–455.
16. Sima J. *Praxeology as Law & Economics* // *Journal of Libertarian Studies*. 2004. Vol. 18, № 2. P. 73–89.
17. Weigel W. *Law and Economics in Austria* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 118–127.

References

1. Grigoryeva T. A., Khrapova E. V. *Mirovoe soglashenie po sporam, zatragivayushchim publichno-pravovye interesy: sovremennye problemy* [Settlement in Cases Concerning Public Law Interests: Urgent Problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2011, no. 8, pp. 17–24.
2. Kotlyarova V. V. *K voprosu o ponyatii i pravovoi prirode mirovogo soglasheniya* [The Issue of Definition and Legal Nature of the Settlement Agreement]. *Rossiiskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2017, no. 6, pp. 17–20.
3. Kuznetsov S. A. *Osnovnye problemy pravovogo instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [The Main Problems of the Legal Institution of Bankruptcy]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2015. 304 p.
4. Mosechkin I. N., Makhnev A. V. *Problematika i sposoby ispolneniya obyazatel'stva po pravilam dvustoronnei restitutsii* [Problems and Ways of Fulfillment of Obligations Under the Rules of Bilateral Restitution]. *Rossiiskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2018, no. 3, pp. 25–28.
5. Osokina G. L. *Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'* [Civil Process. A Common Part]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2010. 703 p.
6. Rozhkova M. A. *Primenenie v kommercheskom oborote mirovoi sdelki* [The Application of a Settlement Agreement in Commercial Affairs]. Moscow, Statut Publ., 2005. 572 p.

7. Timofeev E. A. “*Law and Economics*”: *uchenie o prave i gosudarstve v SShA v XX veke*. Dis. kand. jurid. nauk [“Law and Economics”: The Teaching About Law and State in the United States in the Twentieth Century. Cand. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2016. 181 p.
8. Fioшин A. V. O pravovoi prirode mirovogo soglashiya [On the Legal Nature of a Settlement Agreement]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – The herald of civil process*, 2016, no. 6, pp. 40–53.
9. Bag S. *Economic Analysis of Contract Law. Incomplete Contracts and Asymmetric Information*. Palgrave Macmillan Publ., 2018. 215 p.
10. Hertog J. General Theories of Regulation. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 223–270.
11. Klein P. G. New Institutional Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 456–489.
12. Kovac M. *Comparative Contract Law and Economics*. Edward Elgar Publ., 2011. 392 p.
13. MacKaay E. *Law and Economics for Civil Law Systems*. Edward Elgar Publ., 2013. 549 p.
14. Malenski T. A Critique of Law & Economics – an Austrian School Perspective. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 2012, no. 31 (44), pp. 207–218.
15. Medema S. G., Mercurio N., Samuels W. J. Institutional Law and Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 418–455.
16. Sima J. Praxeology as Law & Economics. *Journal of Libertarian Studies*, 2004, vol. 18, no. 2, pp. 73–89.
17. Weigel W. Law and Economics in Austria. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 118–127.

Дата поступления статьи | Article received date

25.02.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

04.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020